

КАФЕ «ПОСЛЕДНИЙ ВИЗИТ»

Кафе

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Когда устал от банального саморазвития

Алексей Корнелюк

Кафе «Последний визит»

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Кафе «Последний визит» / А. Корнелюк — «Автор»,
2026 — (Когда устал от банального саморазвития)

В кафе «Последний визит» есть странная привычка: иногда на обычном чеке появляются два слова — «Последний визит». Никто не знает, кто их печатает и почему. Иногда человек действительно больше не возвращается. Иногда возвращается, если успевает что-то изменить. Жанна работает здесь поваром и считает это место своим. Пока из общего сбора не исчезают деньги. Она знает, кто взял конверт. Хозяйка тоже знает. Но признаться неудобно, а подозревать Жанну — проще. Потом на её собственном чеке появляется та самая надпись. Теперь дело уже не в пропавших деньгах. Жанне предстоит узнать, сколько стоит место за общим столом, если за него приходится платить молчанием. А людям, которые называли себя близкими, — решить, что для них важнее: уют, правда или человек, которого проще больше не приглашать. Тёплый, ироничный и тревожный роман о кафе, где иногда заканчивается визит — и начинается самое неприятное.

Алексей Корнелюк

Кафе «Последний визит»

Кафе «Последний визит»

Фунт лежал на чужой куртке так, будто купил её на распродаже и теперь ждал, когда хозяин перестанет ныть по поводу права собственности. Куртка была хорошая: тёмно-синяя, шерстяная, с нормальной подкладкой и пуговицами, которые не пытались оторваться от одного взгляда. Я заметила это, потому что полгода работала в кафе и за это время научилась определять стоимость вещей по тому, насколько спокойно на них спит кот.

— Он на моей куртке, — сказал мужчина у окна.

— Вижу.

— Мне уходить надо.

— Это уже сложнее.

Мужчина посмотрел сначала на меня, потом на Фунта. Фунт не посмотрел ни на кого. У него вообще были замечательные отношения с чужими проблемами: если проблема не пахла рыбой, она переставала существовать.

Я вышла из-за стойки, вытерла руки о фартук и подошла к подоконнику. Куртку мужчина повесил на спинку кресла, потом пересел ближе к батарее, а Фунт воспользовался служебным положением и полностью занял освободившуюся недвижимость. Он весил восемь килограммов, хотя Эмма говорила семь с половиной. Эмма вообще любила округлять неприятные вещи вниз: расходы, собственный возраст и вес кота.

— Фунт.

Ухо дёрнулось.

— Отдай человеку одежду.

Второе ухо тоже дёрнулось. Переговоры шли успешно.

Мужчина улыбнулся.

— Можно его просто снять?

— Можно. Потом объясните ему лично, почему.

— Он кусается?

— Нет. Он запоминает.

Мужчина решил подождать.

В «Блюдце» люди вообще много чего ждали. Кофе. Человека. Пока дождь закончится. Пока остынет суп. Пока кто-нибудь первым скажет, что вечер получился странный. Иногда я думала, что мы кормим людей именно для того, чтобы им было чем заняться во время ожидания. Потом вспоминала стоимость сливочного масла и переставала романтизировать профессию.

Было без четверти девять утра. Самое хорошее время в кафе: первая волна завтраков уже схлынула, обеденные ещё не пришли, а выпечка пахла так, будто у человечества всё в целом получилось. За окном шёл мелкий ноябрьский дождь. Не настоящий дождь, а московское недоразумение, после которого невозможно решить, брать зонт или просто немного ненавидеть погоду. Стёкла запотели внизу, на улице люди шли быстрее обычного, а внутри Нина Симонова из соседнего дома доедала сырники, какой-то студент спал над ноутбуком, и Глеб Юдин объяснял Эмме, почему цветы у входа нужно занести до вечера.

— Минус четыре обещают.

— Ночью.

— Именно ночью они и замёрзнут, Эммочка. Цветы вообще редко умирают в рабочее время.

— Ты опять драматизируешь.

— Я продаю цветы. Мне положено.

Глеб стоял возле стойки в тёмно-зелёном свитере и держал в руках два пустых горшка. У него был магазин через два дома, и он появлялся у нас так часто, что однажды курьер оставил ему нашу коробку с молоком. Глеб коробку принял, расписался и только потом спросил, почему теперь отвечает за молочную промышленность.

— Жанн, тебе базилик нужен? — спросил он.

— Нормальный?

— Нет, специальный плохой принёс.

— Тогда нужен.

— Вот за это я люблю кухню. Никакой благодарности, зато требования ясные.

— Благодарность портит поставщиков.

Рубен, который в этот момент вынимал противень из печи, фыркнул.

— А работников?

— Работников портят владельцы кафе.

Эмма подняла голову от планшета.

— Я всё слышу.

— Значит, система работает.

Рубен поставил противень на решётку. Запахло маслом, дрожжами и жареным чесноком. Он опять сделал свои маленькие булки с травами, хотя мы договорились печь их только по пятницам.

— Сегодня среда, — сказала я.

— Уже заметил.

— Тогда почему они здесь?

— Захотелось.

— Очень профессиональный аргумент.

— У тебя суп вчера был острее, чем договаривались.

— Я исправляла погоду.

— И помогло?

Я посмотрела за окно.

— Нет.

— Значит, чесночные булки ещё имеют шанс.

Рубен был старше меня на восемь лет, но выглядел иногда моложе, особенно когда спорил из-за еды. В остальное время лицо возвращало ему всё недоспанное, неоплаченное и пережитое. Он работал в «Блюдце» три года, я — шесть месяцев, и за эти полгода мы успели выяснить, что он режет лук слишком крупно, а я не умею оставить тесто в покое, если вижу его рядом. На этом строятся хорошие рабочие отношения. Остальное люди придумывают для собеседований.

— Одну дай, — сказала я.

— Они ещё горячие.

— Ты их поэтому сделал?

— Нет, чтобы смотреть, как ты обжигашься.

Я взяла булку.

Обожглась.

Рубен кивнул с удовлетворением человека, чья гипотеза только что прошла экспериментальную проверку.

За стойкой Эмма закончила разговор с поставщиком и посмотрела на зал. Ей был пятьдесят один, хотя она сообщала эту цифру только людям, которым доверяла, и врачам, которые всё равно её знали. Тёмные волосы она красила сама, поэтому каждые три недели у неё случался вечер, когда сотрудникам запрещалось звонить с мелкими проблемами. Эмма открыла «Блюдце» девять лет назад и относилась к нему как к человеку, которого любит, но давно пере-

стала идеализировать. Она могла пять минут рассказывать, какой у нас чудесный постоянный гость, а потом обнаружить оставленную им салфетку на полу и сказать:

— Свинья.

Мне это в ней нравилось.

— Фунт опять кого-то удерживает? — спросила она.

— Пока только куртку.

Эмма посмотрела на мужчину возле окна.

— Дмитрий, извините. Сейчас снимем.

— Я не тороплюсь.

— Пять минут назад торопились, — сказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.